
РЕЦЕНЗИИ

КОММУНИСТЫ - ОПТИМИСТЫ ПО ПРОФЕССИИ. ЗАБЫТАЯ ИСТОРИЯ ВЕНГЕРСКОЙ КОММУНЫ

Рецензия на книгу Эрвина Синко "Оптимисты: роман о революции"
(Šinko, Ervin. Optimisti: roman jedne revolucije. Zagreb: Zora, 1954)

*Стефан Гужвица – доцент НИУ
ВШЭ в Санкт-Петербурге
(Санкт-Петербургская школа гуманитарных наук и искусств, Департамент истории)*

После неудавшегося контрреволюционного восстания в Будапеште в июне 1919 года венгерские большевики захватили группу молодых курсантов Военной академии Людовика, которые участвовали в восстании. Молодые люди, должно быть, были в ужасе. Они понятия не имели,

какая судьба уготована им, но были уверены, что ничего хорошего из этого не выйдет. Они слышали истории о "Красном терроре", о "еврейских большевиках", разгуливающих по улицам и безжалостно казнящих таких же людей, как они сами. Приговор им был вынесен по предложению Эрвина Синко, одного из командиров революционной обороны: в качестве наказания за свои преступления против революции они должны были прочитать "Братьев Карамазовых" Достоевского.

Эрвин Синко был непосредственным участником создания Венгерской Советской республики, членом-основателем Партии коммунистов Венгрии и первым романистом, описавшим взлёт и падение революционного государства, которое просуществовало всего 133 дня. Недолговечная венгерская коммуна пробудила надежды у революционеров по всему миру, означая, вместе со своим баварским аналогом, что российские большевики больше не будут изолированы и что на горизонте появилось всемирное пролетарское государство. К лету 1919 года такие надежды рухнули, и русская революция вернулась к изоляции, которая в конечном итоге привела бы к контрреволюции.

Название романа "Оптимисты" является общим и не особенно увлекательным, но Синко настоял, чтобы так оно и было, и оно действительно адекватно отражает менталитет поколения, благодаря которому возникла венгерская коммуна. Когда режим Орбана пытается низвести Советскую Республику до уровня "Красного террора", воплощением чего является восстановление памятника его жертвам, воздвигнутого в эпоху Хорти в центре Будапешта¹, эта книга должна послужить контрмонументом

¹ Венгерский спектр 2018, 'На месте Имре Надя, мемориал жертвам Красного террора', 30 декабря, доступно по адресу:

<<https://hungarianspectrum.org/2018/12/30/in-place-of-imre-nagy-a-memori>.

тому, что на самом деле было самым ярким моментом в истории Венгрии.

Синко практически неизвестен англоязычной аудитории. Структурный уклон в пользу романистов на западноевропейских языках – который связан с логистикой, финансами и культурой – означает, что богатая и увлекательная венгерская литература, как правило, чужда англоязычному миру, а тем более местным авторам-марксистам. До сих пор единственным произведением Синько, переведённым на английский, был его "Роман о романе", и даже это издание сокращённое².

Роман о романе был (частично) переведён из-за его важности для так называемой школы советской субъективности: учёных, которые исследуют "я" и личность в условиях сталинизма 1930-х годов. Синько жил в СССР с 1935 по 1937 год, тщетно пытаясь опубликовать роман, и все это время вёл дневник. Дневник, сам по себе редкий документ сталинской эпохи, представляет собой экстраординарный отчёт о героизме советского народа и разочаровании коммуниста в сталинской системе. Роман, о котором идёт речь, который Синько пытался, но не смог опубликовать при Сталине, назывался "Оптимисты". Законченный в Париже в 1934 году, "Оптимисты" не попадали в руки публики почти двадцать лет. Наконец, они были впервые опубликованы в социалистической Югославии – на венгерском языке в 1953 году, а затем на сербохорватском годом позже.

"Оптимисты" - эпическая сага о венгерской революции 1919 года, охватывающая почти восемьсот страниц в сербохорватском издании. Главным героем автобиографического романа является Юзеф Бати, который является дублёром автора, поэтом и социалистом, живущим в провинциальном городке Сабадка на юге Венгрии (современная Суботица в Сербии). Он только что вернулся в город после демобилизации и стремится как можно скорее уехать в Будапешт, поскольку революционные события уже начались. Первая глава описывает не только жизнь автора, но и современную ему Венгрию. Сабадка является образцом упадка провинциальной жизни в распадающейся Австро-Венгерской империи. Люди, с которыми встречается Бати, - это либо оппортунистические социал-демократы, поддержавшие военные действия, либо гедонистические денди из буржуазных семей. Хотя Бати/Синько также происходит из высшего класса, его интересы приводят его к марксизму, и атмосфера маленького городка кажется более удушливой, чем когда-либо. Вступительная глава, символична, но и логично, заканчивается самоубийством.

Оживлённый, современный и космополитичный Будапешт, представленный во второй главе, резко контрастирует с унылой провинцией, и именно здесь разворачиваются события большей части остальных глав романа. Для Бати символом Буда-

² Синко, Эрвин 2018, Роман о романе: сокращённые дневниковые записи из Москвы, 1935-1937, отредактированные и переведённые Джорджем Диаком, Ланхэм, Мэриленд: Лексингтон Букс.

пешта является Эндре Ади, венгерский поэт-авангардист, оказавший большое влияние на его поколение, и которого часто цитируют многие персонажи. Тем не менее, Будапешт ноября 1918 года - это не совсем то, чего ожидал Бати. Его поражает городское отчуждение, символом которого является повторяющаяся реклама лекарств, которую он видит на улицах. Это совсем не похоже на революционный город.

По ходу повествования читатель узнает, что происходящее в Будапеште - это не просто безразличие населения к более широким историческим процессам. Скорее всего, Астровая (или хризантемовая) революция октября 1918 года положила конец войне и монархии, но не существующим отношениям собственности. В то время как Бати явно разочарован, разочарованы не все: социал-демократы находятся у власти, проповедуя классовое сотрудничество наряду с пустыми революционными лозунгами, и большинство рабочих поддерживают их. Несмотря на то, что Бати чувствует себя в некотором роде изгоем, он быстро устраивается на работу правительственным пропагандистом, но он также связывается с коммунистами (что значительно сократило бы его пребывание в Комитете пропаганды).

Коммунисты, конечно, являются одноименными оптимистами, но Синько изображает не только их. Денес Айзингер, этнический немец-официант из родного города Бати, является одной из первых фигур, которых он встречает в Будапеште, и одним из самых упрямых, когда дело доходит до понимания важности исторических событий, разворачивающихся вокруг него. Всё, о чём заботится Айзингер средних лет, - это накопить достаточно денег, чтобы переехать в Соединённые Штаты, где, как он воображает, он зарабатывал бы достаточно хорошо, чтобы иметь возможность жениться и купить дом. Иногда он фантазирует о покупке гостиницы в сельской местности Венгрии, но его планы всегда индивидуалистичны, и общество в целом его не интересует. Хотя его изображают сочувственно, его раболепие и отсутствие рефлексии приводят в бешенство. Он наслаждается своим серым, атомизированным существованием и не видит, что его идеологические фантазии структурно невозможны для кого-то вроде него.

В лагере оптимистов Бати становится одним из редакторов-основателей "Коммунизма" (в реальной жизни он называется "Интернационале"), первой венгерской коммунистической газеты. Благодаря этому мы знакомимся с группой его близких друзей и товарищей, в том числе с Магдой и Арностом Ленартами (Ирма и Аладар Комьят), Шандором и Сари Штайн (Дьюла Хевеси, будущий народный комиссар общественного производства, и его жена Йолан Стерн) и будущей женой Синько Ирмой Ротбарт (по прозвищу Эрзи Циннер в романе)³. Эрзи Циннер и Йолан Стерн - одни из самых сильных персонажей "Оптимистов", как в политическом, так и в психологическом плане. Сари/Йолан Стерн - ведущая активистка рабочего класса, которую уважают

³ См. <https://www.historicalmaterialism.org/node/2008>

пролетарии и боятся её враги. Стоик Ротбарт/Циннер, с другой стороны, бросила свои гуманитарные исследования, чтобы заняться медициной, своей формой протеста против варварства разрушенного войной мира, в котором, по её мнению, больше не было места искусству. Циннер, которая на протяжении большей части романа не интересуется ухаживаниями Бати, в какой-то момент говорит ему, что он ей как сын, и она действительно проявляет гораздо большую зрелость, чем он и большинство персонажей мужского пола.

В истории Венгерской Советской Республики, которую в значительной степени игнорируют, даже мужчины недостаточно изучены. Однако мы знаем о них гораздо больше, чем о женщинах. Комиссар Хевеши жил и принимал активное участие в социалистической Венгрии после 1945 года и даже оставил красочные мемуары⁴ о раннем поколении революционеров. Комьят/Ленарт оставался значительной фигурой венгерского литературного авангарда вплоть до своей безвременной кончины в Париже в 1937 году. Синько, как уже упоминалось, стал уважаемым югославским писателем. Однако практически невозможно найти информацию об их жёнах, которые были, по крайней мере, столь же важны, как и они сами. В этом смысле роман не только продвигает в своём обращении с женщинами, но и важен для изображения несправедливо забытых фигур, которых историография отбросила в сторону только по гендерному признаку.

Бати/Синько уже близок к высшим эшелонам партии, поэтому по ходу действия романа мы встречаемся с ведущими деятелями Венгерской Советской Республики. Безусловно, самой интересной темой для "западной" аудитории станет изображение Дьердя Лукача (Вертеса), близкого друга Бати, которого он ласково называет 'коммунистическим метафизиком'. Однако "Оптимисты" учат нас, что мы оказываем медвежью услугу самим себе и позорим венгерских большевиков, если ограничимся только изучением личности Лукача. Есть ещё, по меньшей мере, дюжина выдающихся деятелей венгерского марксизма такого же или большего масштаба, многие из которых, к сожалению, были забыты, как с точки зрения идей, так и политической практики.

После появления сильных женских персонажей Эрзи Циннер и Сари мы узнаем, что партнёр Сари, Шандор, провёл дореволюционные месяцы, разрабатывая тщательно продуманные планы организации социалистического производства и перераспределения собственности, которые ему позже предстоит претворить в жизнь. Мы встречаемся в редакции журнала "Коммунизм" Ланьи (Юзеф Реваи), революционного теоретика, и, позже, товарища Ковача, одного из руководителей революционной полиции после установления Советской Республики. Ковач - это Отто Корвин, молодой большевик, который будет зверски убит во время Белого террора и которого Лукач

⁴ Хевеси, Дьюла, 1959, Эги Мернок и форрадаломбан: неги эвтизированный тертенельми идекбен, Будапешт: Európa Könyvkiadó.

считал достойным представителем 'аскетического революционерства'⁵. Бати также очень рано знакомится с "товарищем президентом", социал-демократом, который является его начальником в комитете пропаганды и который в романе превращается из раскаявшегося, но всё ещё колеблющегося сторонника австро-венгерских военных усилий в убеждённого коммуниста. Товарищ президент - не кто иной, как Дезше Бокани, каменщик по профессии и пионер венгерского марксизма, который первым перевёл "Манифест коммунистической партии" и который позже станет жертвой сталинских чисток в Москве.

Однако, пожалуй, самая трогательная история в романе - это история приёмной семьи Бати (или, скорее, семьи, которая его усыновила). Она состояла из большого ветерана войны Дьердя Козьмы, его семьи и дяди Яно. Козьма - пролетарий, а дядя Яно - словацкий крестьянин и слуга аристократа, на вилле которого они все живут. Аристократ, находясь на опасливом расстоянии от Будапешта во время революционных потрясений, решил, проявив патриотическую доброту, приютить ветерана войны и его семью. Козьма тихий и замкнутый, один из многих разочарованных, но изолированных личностей, которые не видят выхода и злы на весь мир. Дядя Яно пытается утешить его своей христианской верой, но в лучшем случае встречает цинизм, а в худшем - деревянную скамью, брошенную в его сторону.

Жизнь Козьмы начинает постепенно меняться только после того, как он получает агитационное письмо от Сари, в конце концов отправляется на встречу с ней и обнаруживает, что люди на самом деле борются против несправедливости, которую он тоже видит. Дочь-подросток Козьмы, Роза, также оказывается вовлечённой в это дело, и в конце концов, накануне основания коммуны, их идеи постепенно начинают производить впечатление даже на набожного Яно и аполитичную жену Козьмы. Синько делает очевидным, что женщины, за исключением коммунисток, были почти полностью деполитизированы, что было обусловлено их социальной ролью. Далёкая от наивной истории просвещения, повесть о семье Козьмы и Яно полна взлётов и падений и развивается на протяжении пары сотен страниц на фоне исторических событий, которые их окружают. Это показывает, как успех Коммунистической партии зависел не только от силы идеи, но и от способности коммунистов адекватно реагировать на жизненный опыт людей.

Ещё до (слишком лёгкого) захвата власти коммунистами Бати знакомят с Белой Кун. Он изображается как высокоинтеллектуальный, но также грубый и нетерпеливый. Он устно отчитывает не только Бати, но и практически всех, с кем у него возникают незначительные разногласия. Однако что поражает (и автор неоднократно от-

⁵ Лукач, Георг 2022 [1969], "Георг Лукач: последнее интервью", блог Verso, 24 марта, доступно по адресу: <https://www.versobooks.com/engb/blogs/news/5309-georg-lukacs-the-final-interview>>

мечает это), так это то, что, несмотря на своё отношение, Кун пользуется огромной популярностью и уважением не только у тех, кто следит за ним издалека, но и у тех, кто работает непосредственно с ним. Он представляется хрестоматийным примером харизматического авторитета в духе Вебера.

Тем не менее, пожалуй, самый запоминающийся момент с Куном приходится на самый конец существования Советской Республики, когда он произносит речь перед группой солдат-крестьян за пределами Будапешта, все из которых являются коммунистами. Бати видит в этой речи сплав всех речей, которые он слышал от разных людей за предыдущие несколько месяцев, всю их энергию, собранную воедино в этот единственный, решающий момент... и это полностью проваливается. Кун не в состоянии разбудить солдат, которые поняли, что всё потеряно. Кун не является лидером религиозного культа, он слишком человечен, подвержен ошибкам и неспособен соблазнить массы, когда становится очевидным, что то, что он говорит, не соответствует окружающей их материальной реальности. Несмотря на опасения Синко, Куну, который позже прочитал роман в Москве, он понравился, в том числе и его изображение. Он стал одним из главных покровителей и сторонников Синко, хотя в определённый момент поддержка Куном публикации "Оптимистов" фактически стала ещё одним препятствием. Кун также стал жертвой Великой чистки⁶ и был казнён в августе 1938 года.

Однако самым впечатляющим из революционных лидеров, которых описывает Синько, является Тибор Самуэли. По сей день в глазах реакционеров и критиков Венгерской Советской Республики Самуэли рассматривается как 'демон революции'⁷. Все злодеяния венгерских коммунистов были возложены на Самуэли. От Синько мы узнаем, что это началось ещё во время революции и было инициировано социал-демократами. Несмотря на забвение раннего венгерского коммунизма, дурная слава Самуэли сохраняется и по сей день. В отличие от этого образа, Синько описывает человека, полностью преданного делу коммунизма, который совершенно не заботится о себе. Это не дешёвая пропаганда в пользу венгерских большевиков. В книге есть множество примеров, показывающих, как власть коррумпировала чиновников Советской Республики. Дани, скромный и добрый молодой революционер, которого он знал, возглавил "Ленинских мальчиков", военизированную террористическую организацию, и быстро был ошеломлён своей новообретённой славой и репутацией. Он начал накапливать конфискованное имущество и предаваться всевозможным порокам. Но Самуэли был неподкупным⁸.

⁶ Чейз, Уильям Дж. 2008, "Микроистория и массовые репрессии: политика, личности и месть при падении Белы Куна", *The Russian Review*, 67, 3: 454-83.

⁷ Именно так историк-антикоммунист Дмитрий Волкогонов описывал Троцкого.

⁸ Намёк на прозвище Максимилиана Робеспьера – «Неподкупный» (фр.

Если кто-то ожидает, основываясь на глубоком уважении Синько к Самуэли, упрощённой апологии революционного насилия, он не найдёт её в этой книге. Как раз наоборот: центральным конфликтом в романе является не столько классовая борьба, сколько внутренние баталии Бати, который пытается примирить тот факт, что пролетариат ведёт справедливую войну, с неизбежностью политического насилия в таком конфликте. На самом деле Синько на несколько лет отрёкся от коммунизма после бегства в Вену, вернувшись к своего рода толстовскому утопическому социализму, вдохновлённому христианством. Однако к тому времени, когда он написал "Оптимистов", он вернулся к марксизму, и то, что мы получаем из этого жизненного опыта, - это прекрасно правдивое изложение обеих сторон спора, бескомпромиссной борьбы за освобождение пролетариата и подлинного отвращения, которое человек должен испытывать к убийству, независимо от его оправдания. Парадоксы, с которыми сталкивается Синько, напоминают читателю некоторые из лучших произведений Брехта на ту же тему.

Ключевой фигурой в этих дискуссиях с Бати является Вертес (Лукач). Когда коммунисты с лёгкостью приходят к власти в Венгрии по настоянию социал-демократов, Вертеш угрожающе замечает: "Если бы только мы могли сделать это без кровопролития", - заявление, над которым Бати размышляет в течение нескольких последующих дней. После общения с пролетариями и крестьянами Бати обнаруживает, что ему, как агитатору, приходится не только объяснять, почему человек должен убивать ради коммуны, но и почему он должен умереть за неё. Затем Вертес долго беседует с Бати о классовом сознании и значении веры для участия в революции. Эта вера, утверждает Вертес, не слепая вера ребёнка, а измученная вера Гефсиманского сада, осознающая надвигающуюся гибель, трагичная по своей сути, но, тем не менее, активная и героическая. На самом деле, революционное участие, по его мнению, невозможно без такой веры. Забавно, что Вертес/Лукач заканчивает свой диалог с Бати советом почитать Кьеркегора.

Гефсиманский сад Бати называется Кечкемет. Его отправили в этот город, расположенный примерно в 100 км к югу от Будапешта, подавлять восстание белых, которые пытались свергнуть местный совет. Хотя из исторических источников мы знаем, что репрессии против контрреволюционеров в Кечкемете были мягкими именно из-за Синько, Бати глубоко обеспокоен происходящими там событиями. Он хотел упразднить всякую власть, а затем обнаружил, что становится человеком, обладающим властью, - положение, в котором он совсем не чувствовал себя комфортно. Он глубоко потрясён, когда «мальчики Ленина» приносят ему записную книжку мятежного жандарма, которого они убили после того, как он попытался бежать. Он видит фотографию мужчины, на которой он позирует рядом со своей женой и сыном, и имя

Андраш Вен. Бати возвращается в Будапешт и говорит Эржи Циннеру, что он больше не коммунист.

Однако возвращение в Будапешт показывает ему занимающий его вопрос совершенно с другой стороны. Конечно, Бати всё ещё пытается свести к минимуму кровопролитие – обращение с кадетами в Академии Людовика, пожалуй, самый впечатляющий пример, – но он также понимает, что, если он действительно верит в человеческую жизнь как в абсолютную ценность, он одинок в этой вере. Есть много людей, выступающих во имя гуманизма, против насилия: бывший министр-социал-демократ, который послал армию стрелять по бастующим шахтёрам; старые аристократы и промышленники, которые поддерживали войну до самого конца; и офицеры, которые без зазрения совести расстреливали солдат за антивоенную агитацию на фронте.

Столкнувшись с этими 'пацифистами', Бати не впадает в отчаяние. Он не уходит из политики и мира. Скорее, он приходит к пониманию того, что для достижения абстрактных идеалов гуманизма и ненасилия необходимо сначала устранить материальные препятствия для их реализации, присущие классовому обществу. Он понимает, что его товарищи по-прежнему на правой стороне, несмотря ни на что или именно благодаря всему. Он не поддаётся пораженьчеству и пессимизму. На протяжении всего романа несколько коммунистов цитируют знаменитое высказывание Эжена Левине о том, что "Все мы, коммунисты, покойники в отпуске". Это заявление особенно нравится Ковачу/Корвину, который также упоминает его, когда вступает в спор с Бати по поводу казни некоторых контрреволюционеров, и чей собственный отпуск истекал к концу года. Столкнувшись со всеми страданиями, некоторые из которых были вызваны самими революционерами, Синко сопоставляет "покойников в отпуске" с заявлением (которое он приписывает Вертесу/Лукачу) о том, что коммунисты на самом деле 'оптимисты по профессии'.

Несмотря на стереотипы ужасающего "Красного террора", которые доминируют в современной венгерской общественной памяти о Советской Республике, единственный вывод, который можно сделать из романа Синько, заключается в том, что венгерские большевики были недостаточно 'террористичны'. Это не значит, что попытки Бати спасти бедных жандармов и крестьян Кечкемета были неоправданными. Скорее всего, венгерский большевистский террор упустил из виду тех наверху, кто больше всего стремился саботировать Советскую Республику, а именно социал-демократических лидеров, которые правили вместе с коммунистами. Даже если бы большевики захотели избавиться от них, их руки были связаны из-за огромной популярности социал-демократов. Они контролировали капиталистическое правительство в течение более короткого времени, чем, например, российские меньшевики и эсеры, и их популярность никогда не падала, особенно после того, как они согласились сформировать коалицию с коммунистами и декларативно учредить Советскую рес-

публику. Однако на практике всегда существовал разрыв между их радикальными заявлениями и весьма практичными попытками классового сотрудничества. Возможно, это помогает объяснить, почему Венгерская коммунистическая партия превратилась в одну из самых ярких антисоциал-демократических партий в эпоху единого фронта, а её лидеры были среди тех, кого Ленин ругал за их 'ультралевость'.

Распад Венгерской Советской Республики был трагичен, как и финал романа. В какой-то момент обезумевший Бати приходит в Дом Советов в разгар эвакуации и спрашивает товарища, что будет с кадетами Людовика, которых они отправили читать Достоевского. Товарищ, удивлённый, смеётся над ним и говорит, что они будут теми, кто совершит Белый террор. Главные исторические личности следуют своим путём изгнания, подпольной работы или жестокого убийства белыми силами. В Кечкемете также монархические военные, которых спас Бати, в конечном итоге убили его товарищей. Тем не менее, люди, с которыми читатель больше всего отождествляет себя даже в конце рассказа, - это обычные пролетарии, которых Синько так подробно описывает на протяжении всего произведения: семья Козьмы, дядя Яно и официант Айзингер. Никто из них не является образцовым коммунистом (и, действительно, большинство коммунистов тоже таковыми не являются), но они являются предполагаемыми главными получателями идей Куна и Самуэли. Крушение их мечтаний, возвращение к страданиям в классовом обществе после того, как они почувствовали вкус нового мира, - вот что ранит больше всего. Профессиональные оптимисты, если они выжили, продолжили свою борьбу. Но что случилось с сотнями тысяч, если не миллионами, простых людей в Венгрии, которые приветствовали революцию, только для того, чтобы вместо этого быть приговорёнными к четверти века правления антисемитского, авторитарного и, в конечном счёте, профашистского режима Хорти?

Судьба Айзингера особенно трагична. Он был типичным представителем мелкобуржуазных фантазий рабочего класса, и Эрзи Циннер его терпеть не могла. Обо всех его незначительных и эгоистичных замыслах читаешь либо с насмешкой, либо с раздражением. Тем не менее, несмотря ни на что, к нему легко проникнуться симпатией, как это делает Бати. Упрямо аполитичный Айзингер, по кафкианскому сценарию, в конечном итоге оказывается обвинённым белыми в том, что он "еврейский большевик" (несмотря на то, что он немец), и становится оклеветанным и превращённым в козла отпущения теми самыми начальниками, которых он всегда уважал - своим боссом и домовладельцем. Его забивают до смерти в жестокой демонстрации того, что, даже если вы не занимаетесь политикой, политика все равно будет иметь дело с вами.

"Оптимисты" - это и превосходное произведение, и роман, имеющий историографическое значение. Книге удаётся быть дидактичной, но не навязчивой. Творчество Синько навеивает воспоминания о Стейнбеке, о любви, которую он проявляет к своим

персонажам, и о Брехте, о том, как он решает моральные дилеммы революции. Он прекрасно сплетает воедино обычную жизнь и политику, любовь и философию, героизм и трагедию, доказывая, насколько они неразделимы. Перевод "Оптимистов" на английский язык имел бы огромное значение для социально-научного сообщества, для любителей литературы и для всех тех из нас, чей интерес к коммунизму носит не просто академический характер. Сегодня, в то время, когда Венгрией правит один из самых реакционных режимов во всей Европе, самый славный момент в её истории – Венгерская Советская Республика 1919 года – в лучшем случае забыт, а в худшем открыто демонизируется. Роман Эрвина Синко - его лучшая защита, его самое сочувственное свидетельство и его самое честное воспоминание.